

Чарторыйский Адам

**Мемуары князя Адама
Чарторижского и его
переписка с императором
Александром I**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А28

А28 **Адам Ч.**
Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: Том 2 / Чарторыйский Адам – М.: Книга по Требованию, 2022. – 367 с.

ISBN 978-5-521-29846-4

ISBN 978-5-521-29846-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Императоръ Александръ I

Къ

Въсто

I.

Императоръ Александръ I князю Адаму Чарторижскому.

17 марта 1801 г.

Вы, вѣроятно, уже знаете, любезный другъ, что вслѣдствіе кончины отца я сталъ во главѣ государственныхъ дѣлъ *).

Умалчиваю о подробностяхъ, о которыхъ лично поговорю съ вами. Я пишу вамъ съ тѣмъ, чтобы вы немедленно передали

*) Смерть Павла, какъ могли видѣть изъ ея описанія въ предыдущемъ томѣ мемуаровъ князя Адама Чарторижскаго, произошла 10 (23) марта 1801 г.; мы считаемъ излишнимъ упоминать здѣсь о томъ, что Александръ не былъ вполнѣ непричастенъ къ трагической кончинѣ своего отца. Чарторижскій въ это время находился въ Италіи, въ качествѣ русскаго посла при Сардинскомъ дворѣ. Поста такого фактически не существовало, такъ же, какъ фактически не существовало уже и Сардинскаго королевства, и самъ сардинскій король, болѣею частью, жилъ въ Римѣ. Павелъ I, съ неудовольствіемъ смотрѣвшій, по своему восшествіи на престолъ, на дружбу сына своего, великаго князя Александра, съ Адамомъ Чарторижскимъ, замѣнилъ этому послѣднему его вынужденное пребываніе въ Петербургѣ, — ссылкой иного рода, пославъ его на этотъ постъ въ Италію. Слѣдуетъ замѣтить, что первой мыслью Александра по воцареніи было вернуть къ себѣ Чарторижскаго.

дѣла, касающіяся вашей миссіи, тому, кто считается самымъ старшимъ послѣ васъ, и выѣхали въ Петербургъ. Нѣтъ надобности говорить вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду васъ. Надѣюсь, Господь охранитъ васъ во время вашего путешествія и приведетъ сюда здоровымъ и невредимымъ.

До свиданія, любезный другъ, не могу прибавить ничего болѣе. Прилагаю при семъ паспортъ^{*)} для предъявленія на границѣ.

Александръ.

II.

Императоръ Александръ I князю Адаму Чарторижскому.

Петербургъ, 12 іюня 1801 г.

Не могу вамъ выразить, любезный другъ, что я почувствовалъ, получивъ ваше письмо, и въ особенности при мысли, что скоро увижу васъ.

Не знаю, какъ это случилось, что я ошибся въ вашемъ званіи, и, по вашему желанію, прилагаю при семъ другой паспортъ *). Прощайте, любезный другъ, болѣе не могу писать.

Александръ.

*) Государь, по ошибкѣ, присоединилъ на адресъ письма къ имени князя Адама званіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, что въ Россіи соответствуетъ чину генераль-аншефа.

Мнѣніе, доложенное въ Совѣтъ 5 апрѣля 1804 г. *).

5 апрѣля 1804 г.

Въ Зимнемъ дворцѣ, въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи собравшихся, по особому приказу Его Императорскаго Величества, членовъ Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа Моркова, генерала отъ инфантеріи, барона фонъ-Будберга и товарища министра иностранныхъ дѣлъ, тайнаго со-

) Послѣ своего возвращенія изъ Италіи, князь Адамъ Чарторижскій оставался нѣкоторое время въ числѣ приближенныхъ императора Александра, не принимая ни officialнаго, ни фактическаго участія въ дѣлахъ. Только въ 1803 г., послѣ долгихъ съ его стороны колебаній и послѣ продолжительныхъ настаиваній Александра, Чарторижскій вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ, осуществивъ т. о. любимую мечту императора. Принять это рѣшеніе Чарторижскаго побудило много причинъ. Во-первыхъ, въ этотъ моментъ Польша ничего не могла ожидать для себя отъ Франціи, только что отправившей польскіе легіоны въ Санъ-Доминго, гдѣ эти легіоны почти цѣликомъ погибли. Во-вторыхъ, какъ ни странно это можетъ показаться, между императоромъ Александромъ и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ было условлено, что послѣднему не придется отказываться отъ своихъ патріотическихъ надеждъ, и что ему предоставляется свобода оставить службу тотчасъ же, какъ только онъ замѣтитъ, что она станетъ въ противорѣчіе съ его патріотическимъ чувствомъ. Чтобы добиться согласія Чарторижскаго, Александръ предложилъ ему должность попечителя Виленскаго учебнаго округа; т. е. иными словами, поручилъ ему завѣдываніе народнымъ образованіемъ въ подчиненныхъ Россіи польскихъ провинціяхъ. Князь Адамъ оставался министромъ до 1806 г.—по минованіи войны, приведшей къ Аустерлицкому сраженію. Дѣятельность свою въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ онъ началъ товарищемъ государственнаго канцлера Воронцова. Послѣ своего отъѣзда изъ Петербурга Воронцовъ сохранялъ еще нѣкоторое время за собою постъ министра иностранныхъ дѣлъ и поддерживалъ съ Чарторижскимъ переписку, отрывки изъ которой будутъ помѣщены ниже.

вѣтника князя Чарторижскаго, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ было прочитано слѣдующее:

„Вторженіе въ территорію Германскаго государства, которое позволили себѣ французы съ цѣлью увоза герцога Англенскаго и преданія его немедленной казни, — есть дѣйствіе, дающее настоящее представленіе о томъ, чего должно ожидать отъ правительства, не знающаго предѣловъ въ своихъ насиліяхъ и попирающаго ногами священнѣйшіе принципы.

„Его Величество, возмущенный такимъ вопіющимъ нарушеніемъ самыхъ основныхъ принциповъ правосудія и международнаго права, — не считаетъ возможнымъ впредь поддерживать сношенія съ правительствомъ, не знающимъ удержа, лишеннымъ всякаго сознанія долга, запятнавшимъ себя ужаснымъ убійствомъ, и потому, несмотря на свое могущественное положеніе, не заслуживающимъ иного названія, какъ притона разбойниковъ.

„Преступленіе, совершенное Бонапартомъ, должно было бы вызвать крикъ мести и порицанія, по адресу Франціи, со стороны всѣхъ европейскихъ государствъ, и послужить сигналомъ ко всеобщему протесту.

„Но если другія державы, пораженныя ужасомъ и лишенныя энергіи, покорно молчатъ въ такой моментъ, — то подобаетъ ли Россіи слѣдовать подобному примѣру? Не должна ли она, напротивъ, первая показать примѣръ, которому должна послѣдовать вся Европа, чтобы избѣгнуть неминуемо грозящаго ей переворота?

„Его Императорское Величество, побуждаемый этими соображеніями, слѣдуя велѣніямъ своего чуткаго и честнаго сердца, а также и чувству собственнаго достоинства, *считаетъ необходимымъ наложить трауръ при своемъ дворѣ по герцогу Англенскомъ и громко выразить все свое негодованіе по поводу незаконныхъ дѣйствій Бонапарта.

„Его Императорскому Величеству тѣмъ менѣе угодно слѣдовать иному образу дѣйствій, что поправленіе народнаго права

совершенно на территоріи государя, связаннаго столь близкими узами родства съ Императоромъ, поэтому поступокъ этотъ, которымъ въ данномъ случаѣ нанесено оскорбленіе всѣмъ Европейскимъ державамъ, и даже всему человѣчеству, для Его Величества, является вдвойнѣ оскорбительнымъ.

„Нашъ Августѣйшій Государь, находя, что съ этого времени позорно и безцѣльно поддерживать связь съ правительствомъ, которое столь же мало уважаетъ основы справедливости, сколь и внѣшнюю благопристойность, и по отношенію къ которому всякія представленія въ защиту права, всякій протестъ противъ насилій,—являются совершенно бесполезными,—считаетъ необходимымъ прекратить съ нимъ всѣ сношенія, отослать изъ Петербурга французскую миссію и одновременно отозвать изъ Парижа русскую *).

„Императоръ, глубоко убѣжденный въ томъ, что его личное достоинство и честь государства не позволяютъ ему отнестись пассивно къ совершенному злодѣянію, нисколько не скрываетъ отъ себя нѣкоторыхъ затрудненій, которыя могутъ временно возникнуть, въ связи съ принятіемъ этого рѣшенія, вынужденнаго, по его мнѣнію, необходимостью. Его Величество, въ виду важности положенія, желалъ бы по возможности освѣтить это дѣло и съ этой цѣлью собралъ здѣсь членовъ своего Совѣта и сановниковъ, извѣстныхъ опытностью и искусствомъ въ дипломатическихъ вопросахъ.

* *) 15 марта 1804 года, по приказу перваго консула, герцогъ Энгиенскій былъ схваченъ на территоріи Германской имперіи, въ Эттенгеймѣ, близъ Бадена, немедленно увезенъ въ Страсбургъ, оттуда въ Парижъ, а затѣмъ въ Венсенъ, гдѣ былъ осужденъ военной комиссіей и тотчасъ же казненъ, въ ночь съ 20 на 21 марта. Мы ограничиваемся здѣсь приведеніемъ чиселъ, въ которыя разыгралась эта драма, вызвавшая, вполнѣ естественно, сильнѣйшее волненіе въ Европѣ. Однако, достойно вниманія, что единственный открытый протестъ послѣдовалъ только со стороны Россіи. Русская нота Ратибонскому сейму, о которой говорится далѣе, была послана 7 мая 1804 г.

„Государь приказалъ мнѣ вкратцѣ изложить передъ ними положеніе дѣла и рѣшеніе, которое онъ намѣревается принять въ данныхъ обстоятельствахъ, а также и основанія, побуждающія его на это рѣшеніе и, наконецъ, указать выгодныя и невыгодныя послѣдствія, могущія получиться въ результатѣ, какъ для общаго положенія дѣлъ, такъ въ частности и для интересовъ Россіи.

„Со времени возобновленія сношеній Россіи съ Франціей трудно указать хоть на одно какое-нибудь дѣйствительно благоприятное для нашего двора послѣдствіе этого сближенія.

✧ „Французское правительство не сдержало самыхъ торжественныхъ своихъ обѣщаній, данныхъ Россіи, относительно интересовъ принцевъ, въ судьбѣ которыхъ Государь принимаетъ участіе, и наши многократныя, настоятельныя просьбы, основанныя на этихъ обѣщаніяхъ,—оставались до сихъ поръ безъ всякихъ послѣдствій.

✧ „Напротивъ, въ послѣднее время Первый Консулъ, какъ бы съ умысломъ, постоянно возбуждалъ противъ себя недовольство русскаго двора своими неумѣстными требованіями и поступками, не прекращавшимися, несмотря на стойкость, проявленную Его Величествомъ.

„Эта представленная въ сжатомъ видѣ картина поведенія Франціи по отношенію къ Россіи доказываетъ, ✧ что мы потеряемъ немного, прервавъ временно сношенія съ правительствомъ, въ дѣйствіяхъ котораго нарушеніе всѣхъ установленныхъ правилъ благопристойности стало какъ бы законнымъ явленіемъ и которое совершенно не считается съ отношеніемъ къ нему другихъ государствъ.

„Рѣшеніе, которое намѣревается принять Императоръ, помимо того, что оно вызвано негодованіемъ и желаніемъ его не поступиться чувствомъ собственнаго достоинства, преслѣдуетъ и нѣкоторыя чисто политическія выгоды. ✧ Надо ожидать, что энергичное поведеніе Россіи, при данныхъ обстоятельствахъ, будетъ способствовать, болѣе чѣмъ что-либо дру-

гое, созданію и укрѣпленію среди европейскихъ державъ еди-
нодушной оппозиціи, которая такъ необходима, чтобы поло-
жить предѣлъ честолюбію и насиліямъ Бонапарта.»Надо на-
дѣяться, что послѣ такого рѣшенія Россіи, дворы вѣнскій и
берлинскій также примутъ энергичныя мѣры. Оба эти прави-
тельства, въ особенности послѣднее, благодаря различнымъ
причинамъ, но преимущественно вслѣдствіе страха, внушае-
маго имъ Франціей, до сихъ поръ невозможно было вывести
изъ состоянія пассивной покорности, несмотря на уговоры,
предложенія и самыя энергичныя внушенія со стороны Его
Императорскаго Величества.

„Государь, дѣйствуя такимъ рѣшительнымъ образомъ, не
оставляющимъ никакого сомнѣнія насчетъ воодушевляющихъ
его чувствъ и принятой имъ системы,»получить возможность
заговорить съ этими двумя дворами болѣе энергичнымъ язы-
комъ,»а его войска, стянутыя къ границѣ, неминуемо прида-
дутъ вѣсъ его словамъ, и онъ сможетъ потребовать положи-
тельного отвѣта относительно того образа дѣйствій, котораго
они намѣрены держаться. По всѣмъ признакамъ и по полу-
ченнымъ нами свѣдѣніямъ,»оба эти двора, будучи вынуждены
высказаться, предпочтутъ заключить союзъ съ Россіей; но, быть
можетъ, подобнаго результата и невозможно будетъ добиться,
если только не настанетъ моментъ, когда сами обстоятельства
не позволятъ имъ вести далѣе уклончивую политику.

„Въ такомъ же приблизительно положеніи дѣло обстоитъ
и съ Оттоманской Портой, которая, повидимому, полна довѣ-
рія и благорасположенія къ намъ и вполне сознаетъ всю опас-
ность, грозящую ей со стороны Франціи.

„Однако, представимъ себѣ, что Россія, порвавъ сношенія
съ французскимъ правительствомъ, останется безъ союзни-
ковъ на континентѣ.»Чѣмъ же она рискуетъ? Прекращать сно-
шенія—не значитъ еще объявлять войну, и, кромѣ того, Фран-
ція не сможетъ напасть на насъ непосредственно. Для того,
чтобы дойти до насъ, ей придется задѣть другія державы, ко-

торыя будутъ вынуждены защищаться, и это предоставитъ намъ случай поспѣшить къ нимъ на помощь.

„При такомъ положеніи вещей, политика Россіи безусловно только выиграетъ и станетъ еще болѣе вліятельной; примѣръ тому— роль, которую она сыграла во время французской революціи, когда собственно къ военнымъ дѣйствіямъ не приступили, а въ то же время дипломатическія сношенія между обѣими державами были прерваны.

× „Такимъ образомъ, нашъ дворъ избавится отъ множества непріятностей, возникавшихъ отъ сношеній съ французскимъ правительствомъ, а также и отъ присутствія цѣлой толпы агентовъ въ нашей странѣ.

„Его Императорское Величество къ тому же нисколько не сомнѣвается, что, въ случаѣ надобности, найдетъ въ Англіи вѣрную союзницу, всегда готовую войти съ нимъ въ соглашеніе и дѣйствовать совмѣстно.

„Выгодныя стороны этого рѣшенія, которое Его Величество вынужденъ принять, благодаря непростительному образу дѣйствій французскаго правительства,—кажутся отсюда очевидными. Что же касается могущихъ возникнуть вредныхъ послѣдствій—то и они не оставлены Императоромъ безъ вниманія и будутъ здѣсь указаны.

„Несомнѣнно, что французское правительство, узнавъ о рѣшеніи Россіи порвать съ нимъ сношенія и не имѣя болѣе основаній насъ щадить, постарается извлечь изъ этого положенія пользу и направить свою месть на державы, находящіяся подъ покровительствомъ Его Величества. Одной изъ первыхъ жертвъ его на югѣ явится Неаполитанское королевство. Какъ только французы сдѣлаются хозяевами этого королевства, наши слишкомъ малочисленныя войска въ Корфу очутятся въ опасности, до прибытія подкрѣпленія, которое Его Величество велѣлъ послать на Іоническіе острова, но которое не можетъ прибыть туда ранѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

„Возможно, что на сѣверѣ французы также попытаются на-

нести удары и нападутъ на Данію, которая, хотя и въ состояніи оказать сильное сопротивленіе, и можетъ исполнѣ рассчитывать на немедленную помощь Его Императорскаго Величества, но все же не ожидаетъ столь внезапнаго нападенія и не совсѣмъ подготовлена дать ему отпоръ.

„Если бы подобное событіе произошло тремя мѣсяцами позже, то, какъ бы оно ни было печально и ужасно само по себѣ, оно все же явилось бы, такъ сказать, кстати, создавъ для Россіи поводъ къ блестящему выступленію.

„Къ тому времени точнѣ опредѣлились бы и выяснились настроенія Австріи и Пруссіи; Данія успѣла бы подготовиться; нашъ корпусъ на Іоническихъ островахъ, получивъ подкрѣпленіе, оказался бы въ силахъ защитить Грецію и притти на помощь Неаполитанскому королевству, при посредствѣ нашего соглашенія съ Англіей.

„За этотъ промежутокъ времени возрасли бы затрудненія Бонапарта, и, быть можетъ, это оказало бы ему услугу въ томъ отношеніи, что онъ имѣлъ бы предлогъ отказаться отъ намѣренія вести морскую войну и рѣшилъ бы приступить къ войнѣ на континентѣ. Но эту войну Его Императорское Величество, не желающій напрасно проливать кровь своихъ подданныхъ, началъ бы только при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ и лишь по исчерпаніи всѣхъ предварительныхъ средствъ, которыя могли бы быть выработаны на общемъ конгрессѣ европейскихъ державъ въ Парижѣ.

„Но какъ бы основательны ни были эти соображенія,*произшедшее событіе принуждаетъ не считаться съ ними, или во всякомъ случаѣ отодвигаетъ ихъ на второй планъ. Его Величество не можетъ остаться совершенно равнодушнымъ къ ужасному поступку Перваго Консула, угрожающему безопасности каждаго государства, ибо это шло бы противъ его достоинства и способствовало бы все большому и большому утвержденію Европы, Франціи и самого Бонапарта въ той мысли, что Бонапартъ имѣетъ право все предпринимать, на все отва-

живаться, въ той увѣренности, что онъ не встрѣтитъ никакого сопротивленія ни съ чьей стороны.

„На первый взглядъ представляется возможнымъ найти средства для того, чтобы до извѣстной степени согласить эти различныя цѣли.* Не скрывая справедливаго негодованія, можно было бы не прерывать сразу сношеній съ Бонапартомъ, и ограничиться лишь наложеніемъ траура по случаю смерти герцога Энгиенскаго, заявивъ въ Парижѣ, что Государь не остался равнодушнымъ къ нарушенію неприкосновенности Германской территоріи, и въ особенности, владѣній курфюрста Баденскаго, гдѣ герцогъ Энгиенскій былъ схваченъ и откуда былъ увезенъ для преданія смертной казни, и что Его Величество желалъ бы знать отъ французскаго правительства, не осуждаетъ ли оно этотъ столь несправедливый и противный всякому понятію о международномъ правѣ поступокъ, словомъ, войти въ переговоры, *съ тѣмъ, чтобы выиграть еще около двухъ мѣсяцевъ времени, которое и употребить на подготовку юга и сѣвера Европы. Французское правительство, конечно, не согласится подвергнуть себя униженію и дать удовлетвореніе, соответствующее его винѣ, и прекращеніе всякихъ сношеній явится неизбежнымъ. Но съ этой мѣрой связано слѣдующее неудобство: когда въ Парижѣ узнаютъ о наложеніи траура по герцогу Энгиенскомъ, и въ особенности, когда Убри сдѣлаетъ по этому поводу представленія, которыя могутъ быть лишь весьма непріятнаго содержанія, — Первый Консуль, догадываясь, чего ему слѣдуетъ ожидать, можетъ предупредить насъ и отошлетъ нашу миссію изъ Парижа, а свою отзоветъ изъ Петербурга. *Такимъ образомъ, разрывъ будетъ исходить отъ него, и этимъ онъ нанесетъ оскорбленіе Россіи и покажетъ, что не боится ея могущества. Словомъ, большая часть тѣхъ преимуществъ, которыя могутъ выпасть на долю Россіи въ этомъ дѣлѣ, будетъ утрачена, если Бонапарту будетъ предоставлена возможность предупредить насъ и предпринять шагъ, подобный тому, который проектируетъ Его Величество, и если Бона-